

Содержание

Введение	7
1. Этика объективизма	16
<i>Айн Рэнд</i>	
2. Здоровый разум против мистицизма и самопожертвования	62
<i>Натаниэль Бранден</i>	
3. Этика чрезвычайных ситуаций	76
<i>Айн Рэнд</i>	
4. Конфликты интересов	90
<i>Айн Рэнд</i>	
5. Разве не все мы эгоисты?	103
<i>Натаниэль Бранден</i>	
6. Психология удовольствия	111
<i>Натаниэль Бранден</i>	
7. Возможна ли жизнь без компромиссов?	125
<i>Айн Рэнд</i>	
8. Как можно вести рациональную жизнь в иррациональном обществе?	130
<i>Айн Рэнд</i>	

9. Культ нравственной серости	138
<i>Айн Рэнд</i>	
10. Этика коллективизма	147
<i>Айн Рэнд</i>	
11. Строители монументов	158
<i>Айн Рэнд</i>	
12. Права человека	169
<i>Айн Рэнд</i>	
13. Обобществление «прав»	186
<i>Айн Рэнд</i>	
14. Природа государства	197
<i>Айн Рэнд</i>	
15. Финансирование государства в свободном обществе	212
<i>Айн Рэнд</i>	
16. Дарованное Богом право на застой	221
<i>Натаниэль Бранден</i>	
17. Расизм	231
<i>Айн Рэнд</i>	
18. Фальшивый индивидуализм	249
<i>Натаниэль Бранден</i>	
19. Запугивание как метод аргументации	256
<i>Айн Рэнд</i>	

Введение

.....
Название этой книги может породить вопрос, который я уже как-то слышала:

«Почему вы используете слово “эгоизм” для обозначения положительных качеств характера, при том что оно вызывает неприятие у столь многих людей?»

Тем, кто задает такой вопрос, я могу ответить: «Потому, что это вас пугает».

Но есть и те, кто не будет задавать подобного вопроса, опасаясь подозрений в моральной трусости, но при этом не сможет самостоятельно сформулировать то, что имею в виду я, или точно определить важнейшую моральную проблему, о которой я говорю. Для них у меня подготовлен более развернутый ответ.

Проблема здесь не просто семантическая. Значение, которое придается слову «эгоизм» в обществе, не просто неточное: оно отражает страшный интеллектуальный «комплекс», который в гораздо большей степени, чем какой-либо одиночный фактор, несет ответственность за задержку морального развития человечества.

Обычно слово «эгоизм» используется людьми как синоним зла; оно связано с образом кровожадного дикаря, который готов для достижения собственных целей идти по трупам, не обращает внимания ни на кого другого и стремится лишь к удовлетворению собственных низменных желаний.

Однако подлинное значение этого слова, которое можно найти в любом словаре, это: «*забота о своих собственных интересах*».

Это понятие не подразумевает моральной оценки; оно не дает нам указаний на то, хорошо или плохо заботиться о собственных интересах; точно так же, как не дает определения, в чем же конкретно эти интересы состоят. Ответить на эти вопросы должна этика.

Образ жестокого дикаря создан этикой альтруизма; это ответ, который заставляет человека принять два бесчеловечных принципа: 1) что забота о собственных интересах — это зло, вне зависимости от того, в чем именно эти интересы заключаются; и 2) что любая деятельность дикаря *по факту* является чем-то, что он делает исключительно ради своей пользы (которой альтруизм призывает человека жертвовать ради пользы ближнего).

Об истинной природе альтруизма, о его последствиях и невероятном искажении морали, к которому он приводит, вы можете узнать из книги «Атлант расправил плечи»* или из множества заголовков сегодняшних газет. Здесь же мы с вами рассмотрим *поражение* альтруизма в области этической теории.

Существует два моральных вопроса, которые альтруизм сплавляет в один комплекс: 1) Что такое ценности? и 2) В чью пользу они должны приниматься? Альтруизм заменяет первый вопрос вторым; таким образом,

.....
* Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. — 13-е изд. — М.: Альпина Паблишер, 2018.

он уходит от задачи определения кодекса моральных ценностей и оставляет человека без морального руководства.

Альтруизм объявляет любое действие, предпринятое ради выгоды других, хорошим, а любое действие, выполненное ради своей собственной выгоды, — плохим. Таким образом, единственный критерий моральной ценности — это *кто именно* получает от действия пользу, и значит, пока действия человека полезны для кого угодно, кроме него самого, они должны считаться добром.

Отсюда отвратительное отсутствие морали, постоянная несправедливость, двойные стандарты, неразрешимые конфликты и противоречия, которые характерны для человеческих взаимоотношений и человеческих обществ на протяжении всей истории, при всех вариантах альтруистической этики.

Посмотрите, насколько недостойно выглядит то, что сегодня выдается за моральные суждения. Промышленник, заработавший себе состояние, и бандит, ограбивший банк, считаются одинаково аморальными, потому что оба стремились к богатству ради собственной «эгоистической» выгоды. Молодой человек, который отказался от карьеры, чтобы помочь родителям, и так и остался на всю жизнь кассиром в бакалейной лавке, считается более высокоморальным, чем тот, кто в результате ожесточенной борьбы реализовал свои персональные амбиции в профессиональной деятельности. Диктатор может считаться добродетельным, поскольку страшные

деяния, совершенные им, он совершал не ради себя самого, а ради «народа».

Какое же значение приобретает в человеческой жизни такой критерий морали? Первое, что осознает человек, это что нравственность — враг ему; он ничего от нее не получает, а лишь теряет; единственное, чего он может ожидать, — это потери и боль по собственной вине и серая, отупляющая завеса непонятных обязанностей. Он может надеяться на то, что другие время от времени будут жертвовать собой ради него, так же, как он скрепя сердце жертвовал собой ради них, но он понимает, что такие отношения несут с собой лишь взаимное отторжение, а не удовольствие, и что, с точки зрения нравственности, такое обретение ценностей похоже на обмен никому не нужными и нежеланными рождественскими подарками. За исключением этих моментов, когда он пытается совершить некие жертвенные акты, он не владеет никакими нравственными ценностями: мораль не имеет для него никакого значения и никак не может дать ему руководящую линию в сложных жизненных ситуациях; потому что это его собственная, личная, «эгоистическая» жизнь, и, как таковая, может быть рассмотрена исключительно как зло, или, в лучшем случае, как *аморальное* существование.

Так как природа не обеспечила человеку автоматический механизм выживания и он должен сам заботиться о том, чтобы существовать, значит, если руководствоваться принципом, что забота о собственных интересах — это зло, то человеческое желание жить — тоже

зло, и человеческая жизнь сама по себе — зло. Невозможно придумать более безнравственный принцип.

Но ведь именно в этом смысл альтруизма, который подразумевает приравнивание промышленника к бандиту. Но между человеком, который видит собственный интерес в производстве чего-либо, и тем, кто видит его в грабеже, огромная разница. Грех грабителя заключается *не* в том, что он преследует собственные интересы, а в том, *что* именно он считает этими интересами; *не* в самом факте руководства личными понятиями о ценностях, а в том, *каковы* эти ценности; *не* в том, что он хочет выжить, а в том, что он хочет существовать на недочеловеческом уровне (см. главу 1 «Этика объективизма»).

Если я подразумеваю под «эгоизмом» не то, что принято подразумевать под ним в обществе, тогда именно *это* можно считать одним из самых тяжких обвинений в адрес альтруизма: альтруизм *не предполагает существования* человека, обладающего самоуважением и самодостаточностью, — человека, который самостоятельно обеспечивает свое существование, не принося в жертву ни себя, ни других. Это означает, что альтруизм не видит в людях никого, кроме как жертвенных животных и тех, кто получает от этих жертв выгоду; тех, кого используют, и тех, кто паразитирует на них, — что он не предполагает добровольного сосуществования людей, не предполагает идеи *справедливости*.

Если вы не знаете источника отвратительного сочетания цинизма и чувства вины, в котором протекает

жизнь большинства людей, то я назову вам этот источник: цинизм происходит от того, что никто из них не пользуется и не принимает альтруистическую мораль; вина возникает потому, что они не решаются ее отвергнуть.

Чтобы восстать против столь разрушительного зла, нужно восстать против его основных принципов. Чтобы спасти и человека и мораль, нужно спасти концепцию «эгоизма».

Первый шаг на этом пути — утвердить *право человека на нравственное существование*, то есть признать, что ему необходим моральный кодекс, который бы направлял и наполнял его жизнь.

Краткий очерк природы и необходимости рациональной морали дан ниже в моей статье «Этика объективизма». Выяснив причины необходимости морального кодекса для человека, вы поймете, что главная задача морали — определить правильные ценности и интересы человека; что *забота о собственных интересах* — это сущность нравственного существования; и что *нравственные поступки должны приносить пользу самому человеку*.

Так как любые ценности должны быть достигнуты и/или сохранены людьми, то если человек не получает выгоды от собственных действий, это не может считаться справедливым, поскольку означает, что кто-то жертвует собой ради другого, и нравственность приносится в жертву безнравственности. Оправдания этому нет и не было.

Выбор того, кому приносят пользу моральные ценности, — это предварительный или вступительный этап в решении моральных проблем. Он не может заменять собой саму мораль или служить критерием выбора моральных ценностей, как в альтруизме. В равной степени он не может служить и *источником* морали: он должен, наоборот, проистекать из морали и оцениваться фундаментальными положениями этической системы.

Согласно этике объективизма, получать пользу от собственных действий должен тот, кто их совершает, иными словами, человек должен действовать в собственных *разумных* интересах. Но его право на это происходит из его человеческой природы и из применения моральных ценностей в жизни, — таким образом, оно применимо *только* в контексте рационального, объективно ясного и законного кодекса моральных принципов, который определяет и ограничивает его личный интерес. Эгоизм не означает «делать все, что угодно» и не имеет отношения к созданному этикой альтруизма образу «эгоистичного» дикаря, равно как и к любому человеку, которым управляют иррациональные эмоции, чувства, побуждения, желания и прихоти.

Все, сказанное мною выше, это предупреждения тем «нищезанским эгоистам», которые на самом деле являются продуктами альтруистической морали и представляют собой другую сторону монеты альтруизма: это люди, которые считают, что любое действие, независимо от его сущности, должно считаться добром, если выполняется ради собственной выгоды. Точно так же, как *не может*

быть критерием моральной ценности удовлетворение иррациональных желаний других людей, не может им быть и удовлетворение собственных иррациональных желаний. Мораль — это не соревнование прихотей. (См. статьи Натаниэля Брандена — глава 18 «Фальшивый индивидуализм» и глава 5 «Разве не все мы эгоисты?».)

Подобную ошибку совершает и тот, кто заявляет, что, поскольку человек должен судить обо всем самостоятельно и независимо, значит, все, что он делает, — морально, если *он* сам делает такой выбор. Но собственное независимое суждение человека является лишь *способом* выбора действия, но никак не моральным критерием для его оценки: только обращение ко внятному принципу может служить критерием оценки моральности такого выбора.

Точно так же, как человек не может выживать благодаря каким-то случайным действиям, но должен выработать и применять определенные принципы, которые обеспечили бы ему выживание, так и его личные интересы не могут определяться слепыми желаниями или случайными прихотями, но должны быть раскрыты и достигнуты с помощью рациональных принципов. Именно поэтому этика объективизма — это мораль *рациональных* личных интересов — или *рационального эгоизма*.

Поскольку эгоизм — это «забота о собственных интересах», то этика объективизма использует это понятие в его точном и чистейшем смысле. Это понятие не должно быть отдано на растерзание врагам рода человеческого, равно как и бездумному непониманию, искажениям, предубеждениям и страхам, свойственным

невежественным и неразумным. Нападки на «эгоизм» — это нападки на человеческое достоинство; отказаться от одного — значит отказаться и от второго.

А теперь несколько слов о содержании этой книги. За исключением лекций, посвященных этике, она представляет собой собрание статей, впервые увидевших свет в *The Objectivist Newsletter*, ежемесячном журнале, редакторами и издателями которого являемся мы с Натаниэлем Бранденом. *The Objectivist Newsletter* занимается приложением философии объективизма к задачам и проблемам сегодняшней культуры, стремясь к «золотой середине» между философскими абстракциями и журналистской конкретикой. Его цель — предоставить читателям устойчивую философскую систему координат.

Этот сборник представляет собой не систематизированную дискуссию на этические темы, а просто серию статей о тех проблемах этики, которые нуждаются в прояснении в сегодняшнем контексте, а также о тех, которые были в наибольшей степени искажены влиянием альтруизма. Вы можете заметить, что названия ряда статей представляют собой вопросы. Их источник — вопросы, присланные нашими читателями.

Айн Рэнд

Нью-Йорк, сентябрь 1964 г.

P.S. Натаниэль Бранден более не имеет отношения ко мне, к моей философии и к *The Objectivist* (бывшему *The Objectivist Newsletter*).

Айн Рэнд, Нью-Йорк, ноябрь 1970 г.

Этика объективизма

Айн Рэнд

Так как я собираюсь говорить об этике объективизма, то начну со слов ее наиболее яркого адепта — Джона Голта, героя книги «Атлант расправил плечи»:

«В течение веков страданий и бедствий, вызванных вашим моральным кодексом, вы кричали, что ваш кодекс нарушается, страдания являются карой за его нарушение, люди слишком слабы и эгоистичны, чтобы проливать всю кровь, какой этот кодекс требует. Вы проклинали человека, существование, эту землю, но не смели усомниться в своем кодексе. Ваши жертвы принимали на себя вину и продолжали трудиться, вознаграждаемые вашими проклятиями за свое мученичество, а вы тем временем кричали, что ваш кодекс благороден, но человеческая природа недостаточно хороша, чтобы жить, следуя ему. И ни один из вас не поднялся и не спросил: “А кодекс хорош? По каким меркам?”

Вы хотели знать, кто такой Джон Голт. Я — тот человек, который задал этот вопрос. Да, сейчас век

морального кризиса. Да, вы несете кару за свои пороки. Но сейчас перед судом стоит не человек, и вина будет возложена не на человеческую природу. На сей раз будет покончено с вашим моральным кодексом. Он достиг своего зенита, тупика в конце пути. И если хотите жить дальше, вам нужно не возвращаться к морали — вы никогда не знали ее, — а открыть для себя мораль»*.

Что такое нравственность, или этика? Это система ценностей, исходя из которой человек выбирает и действует, — этот выбор и эти действия определяют цель и течение его жизни. Этика как наука занимается раскрытием и конкретизацией этой системы.

Прежде чем пытаться уточнить, оценить или принять любую конкретную этическую систему, необходимо в первую очередь ответить на вопрос: *зачем* нужна человеку система ценностей?

Я подчеркиваю — первый вопрос, который необходимо задать, это не: какую конкретную систему ценностей должен принять человек, а: нужны ли вообще ценности человеку и зачем?

Является ли концепция *ценности*, «добра или зла», произвольным изобретением человечества, которое не имеет никакого отношения к любым фактам реальности, не происходит из них и не поддерживается ими,

* Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. — 13-е изд. — М.: Альпина Паблицер, 2018. — Ч. III. — С. 355–356.

или она основана на *метафизическом* факте, на неизменном условии человеческого существования? (Я употребляю слово «метафизический» в смысле свойственный реальности, природе вещей, бытию.) То, что действия человека должны направляться неким набором принципов, — это искусственная договоренность между людьми, существующая исключительно как часть традиции, или требование реальности? Относится ли этика к сфере *прихотей* — личных эмоций, общественных законов и мистических откровений, или к сфере *разума*? Этика — это субъективная роскошь или *объективная* необходимость?

В печальной истории этических систем — за редкими и неудачными исключениями — моралисты рассматривали этику как сферу произвольного, то есть иррационального. Некоторые из них провозглашали это открыто, другие лишь подразумевали. «Произвол», «прихоть» — это желание человека, который не понимает и не стремится понять его происхождение.

Никто из философов не дал рационального, объективно очевидного, научного ответа на вопрос, *зачем* человеку нужна система ценностей. Пока этот вопрос продолжает оставаться без ответа, найти и сформулировать рациональную, научную, *объективную* этическую систему невозможно. Величайший из философов, Аристотель, не рассматривал этику как точную науку; его этическая система была основана на наблюдениях за поступками благородных и мудрых мужей того времени, но он не дал ответа на вопрос, *почему* они ведут себя именно так, и *почему* он считает их благородными и мудрыми.

Большинство философов принимают существование этики как должное, как данность, как исторический факт, и не утруждают себя поиском ее метафизического истока или объективной оценки. Многие из них пытались разрушить традиционную монополию мистицизма в сфере этики, и, вероятно, сформулировать рациональную, научную, нерелигиозную систему морали. Но в итоге все они ограничивались лишь тем, что пытались дать этике *социальный* фундамент, просто заменив *Бога обществом*.

Убежденные мистики считали стандартом добра и критерием своих этических систем произвольную непостижимую «Божью волю». Неомистики заменили ее «общественной пользой», таким образом придя к замкнутому кругу определений типа: «Добро — это то, что полезно для общества». Это, по логике и в современной мировой практике, означает, что «общество» стоит выше любых этических принципов, так как *оно само* является источником, стандартом и критерием этики, поскольку «добро» — это все, что угодно *ему*, все, что *оно* решит считать собственным благополучием и пользой. Получается, что «общество» может делать все, что ему заблагорассудится, поскольку «добро» — это все, что оно решит предпринять, *потому* что это оно так решило. И, так как нет такой реальной сущности, как «общество», а общество — просто набор личностей, это означает, что *какие-то* люди (большинство или любая группа, которая объявит себя представителями общественной воли) имеют этическое право добиваться всего, чего они

захотят, а *остальные* люди будут этически обязаны тратить свою жизнь на обеспечение желаний этой группы.

Это вряд ли можно назвать разумным, однако сегодня большинство философов решили объявить разум несостоятельным, этику — лежащей за пределами его власти, что рациональной этики быть не может. Они утверждают, что человек в сфере этики — в выборе своих ценностей, действий, стремлений и жизненных целей — должен руководствоваться не разумом, а чем-то иным. Чем же? Верой, инстинктом, интуицией, откровением, чувством, вкусом, потребностью, желанием, *прихотью*. Сегодня, как и раньше, большинство философов согласны с тем, что конечный стандарт этики *произволен* (они называют это «произвольным требованием», «субъективным выбором» или «эмоциональной приверженностью»), и ломают копья только над тем, *чей* это должен быть произвол — самого человека, общества, диктатора или Бога. При всех разногласиях между ними современные моралисты согласны в одном: этика — это *субъективная* вещь, и из ее сферы следует полностью изгнать три понятия: разум, мысль и реальность.

Если вы не можете понять, почему мир спускается все ниже и ниже по кругам ада, *вот* вам причина.

Если вы хотите спасти цивилизацию, вы должны выступить против *этой* предпосылки современной этики — и всех исторически существовавших этических систем.

Чтобы выступить против основного положения любой дисциплины, начинать нужно с самого начала.

В случае с этикой нужно начать с вопроса: что такое *ценности*? Зачем они нужны человеку?

«Ценность» — это то, что человек стремится обрести и/или сохранить. Концепция «ценности» не первична; она требует предварительно определить, для *кого* и ради *чего* эта ценность является таковой. Необходимо выявить сущность, которая будет определять действия для достижения цели при наличии альтернативы. Там, где нет альтернатив, не может быть целей и ценностей.

Процитирую из речи Голта:

«Во Вселенной существует лишь одна непреложная альтернатива — существование или несуществование, она относится лишь к одной категории бытия — к живому организму. Существование неодушевленного вещества безусловно, существование жизни нет: оно зависит от определенного направления действий. Материю нельзя уничтожить, она меняет формы, но не перестает существовать. Лишь перед живым организмом стоит постоянная альтернатива: вопрос жизни или смерти. Жизнь — это процесс самоподдерживающего и самопорождающего действия. Если организм в своем действии не достигает цели, он умирает; его химические элементы сохраняются, но жизнь перестает существовать. Только концепция “жизнь” делает концепцию “ценность” возможной. Только для

живого организма существуют понятия “добро” и “зло”»*.

Чтобы полностью прояснить это, попробуйте представить бессмертного, неуничтожимого робота, сущность, которая движется и действует, но на которую ничто не может влиять, которая не может измениться, которой нельзя причинить ущерб, покалечить или разрушить ее. Такая сущность не может иметь никаких ценностей; ей нечего обретать и терять; для нее нет ничего, что было бы *за* или *против* нее, что служило или угрожало бы ее благополучию, что отвечало бы ее интересам или шло вразрез с ними. У нее не могло бы быть никаких интересов и никаких целей.

Только *живое* существо может иметь цели и создавать их. И только у живого организма есть способность к самостоятельным целенаправленным действиям. На *физиологическом уровне* функции всех живых организмов, от самых простых до самых сложных — от питания единственной клетки амебы до кровообращения у человека, — это действия, порожденные самим организмом, и ведущие к единственной цели: поддержанию *жизни* организма**.

.....
* Рэнд А. Атлант расправил плечи. — Ч. III. — С. 357.

** Применительно к физиологическим явлениям, таким, как автоматические функции организма, термин «целенаправленный» не следует воспринимать в смысле «намеренный» (это понятие, применимое исключительно к деятельности сознания); он не подразумевает наличия какого-либо телеологического принципа,

Жизнь организма зависит от двух факторов: энергетических веществ, которые должны поступать к нему из внешней среды, и деятельности своего собственного тела, которое должно *правильно* использовать эти вещества. По каким стандартам в данном случае определяется *правильность* использования? Единственный стандарт — это жизнедеятельность организма, или, иными словами, то, что необходимо для его выживания.

В данном случае у организма нет выбора: что именно необходимо ему для выживания, определено его *природой*, тем, что за существо он собой представляет. Для организма возможны различные варианты, различные формы приспособления к внешней среде, в том числе и возможность существования в течение некоторого времени в состоянии травмы, нарушения функций или болезни. Однако при этом основная альтернатива его существованию остается одной и той же: если организм не может выполнять основные функции, заложенные в него природой, — если протопласт клетки амебы прекращает усваивать питательные вещества, или если человеческое сердце перестает сокращаться, — он умирает. В фундаментальном смысле неподвижность — антитеза жизни. Жизнь возможна только при постоянном осуществлении самоподдерживающей деятельности.

.....
действующего в неодоушевленной природе. В этом контексте я использую термин «целенаправленный» для обозначения того факта, что автоматическое функционирование живого организма — это такая деятельность, которая по своей природе *ведет* к сохранению жизни этого организма.

Цель этой деятельности, конечная *ценность*, для сохранения которой необходимо достигать ее в каждый момент действия, — это *жизнь* организма.

Конечная ценность — та высшая цель, для достижения которой все меньшие цели служат средствами, и на ее основании *оцениваются*. Жизнь организма — это *ценностный стандарт*: то, что способствует продолжению жизни, — *добро*, то, что ей угрожает, — *зло*.

Без конечной цели не могут существовать никакие меньшие цели или средства: ряд действий, превращающийся в бесконечную прогрессию, уводящую в ничто, — это метафизическая и эпистемологическая невозможность. Существование ценностей возможно лишь при наличии конечной цели, *результата как такового*. Метафизически *жизнь* — это единственное явление, которое само по себе также и результат: ценность, обретаемая и сохраняемая в процессе постоянной непрерывной деятельности. Эпистемологически концепция «ценности» генетически опирается и выводится из предшествующей ей концепции «жизни». Говорить о «ценности» в отрыве от «жизни» — хуже, чем просто допускать противоречие в терминологии. «Понятие “ценность” существует лишь потому, что существует понятие “жизнь”».

В ответ тем философам, которые утверждают, что между конечными результатами или ценностями и фактами реальности не может быть установлено никакой связи, подчеркну, что существование и функционирование живых существ неизбежно влечет за собой существование ценностей и одной абсолютной ценности,

которой для любой живой сущности является ее собственная жизнь. Следовательно, проверка ценностных суждений должна опираться на факты реальности. Тот факт, что живая сущность *есть*, определяет, что она *должна* делать. И хватит, пожалуй, о связи между «*есть*» и «*должно*».

Теперь рассмотрим, каким образом человек открывает понятие «*ценности*»? Посредством чего он впервые постигает проблему «*добра и зла*» в простейшей форме? Посредством физических ощущений *удовольствия* и *боли*. Ощущения — первая ступень развития человеческого сознания как в сфере *познания*, так и в сфере *оценки*.

Способность испытывать удовольствие или боль дана человеку от рождения; это составляющая его *природы*, того типа сущности, которой он *является*. Эта способность не подвластна человеческому выбору, и человек не может сам установить стандарт, определяющий, что именно — удовольствие или боль — он будет испытывать при тех или иных условиях. Что же это за стандарт? *Его жизнь*.

Механизм удовольствия/боли в организме человека — как и в организмах всех живых организмов, обладающих сознанием, — служит охранной сигнализацией для его жизни. Физическое ощущение удовольствия — сигнал, показывающий, что деятельность организма осуществляется в *правильном* направлении. Физическое ощущение боли — предупреждающий об опасности сигнал, свидетельствующий о том, что деятельность вводится в *неверном* направлении — что-то мешает нормальному

функционированию организма, следовательно, требуются какие-то действия для исправления положения. Лучше всего это можно проиллюстрировать примером редкого врожденного отклонения, когда ребенок рождается лишенным способности чувствовать физическую боль; обычно такие дети долго не живут, так как у них нет возможности определять, что может нанести им вред, нет предупредительного механизма, и малейший порез может привести к смертельной инфекции, а серьезная болезнь может оставаться не выявленной до тех пор, пока не станет уже поздно бороться с ней.

Сознание — для тех живых организмов, которые им обладают, — это основное средство выживания.

Более простые организмы, например, растения, могут выживать с помощью своих автоматических физиологических функций. Высшие организмы, такие как животные и человек, не могут: их потребности более сложны, и сфера их деятельности шире. Физиологические функции их тел автоматически способны только использовать энергетические вещества, но *получить* эти вещества автоматически из окружающего мира они не могут. Чтобы их получить, высшим организмам необходимо сознание. Растение получает пищу из почвы, в которой растет. Животное должно для этого охотиться. Человеку приходится ее производить.

У растения нет выбора, что делать; цели, которые оно преследует, — автоматические и врожденные, определяемые его природой. Ценности, стремление к которым заложила в него природа, — это питательные

вещества, вода и свет. Его жизнь — ценностный стандарт, управляющий его деятельностью. Условия окружающей среды, с которыми оно сталкивается в жизни, могут быть различны: например, жара или холод, наводнение или засуха, и растение обладает возможностью осуществлять разные действия для борьбы с неблагоприятными условиями: например, некоторые растения способны прорасти и выбираться из-под камня, чтобы оказаться на свету. Но при любых условиях в действиях растения нет выбора: оно действует автоматически, чтобы продолжать свое существование, оно не может действовать с целью собственного уничтожения.

Спектр действий, необходимых для выживания высшего организма, значительно шире: он пропорционален сфере контроля его *сознания*. Самые низшие из обладающих сознанием видов способны лишь *чувствовать*, и этого достаточно для того, чтобы направлять их деятельность и обеспечивать их потребности. Ощущения возникают в результате автоматической реакции органа чувства на внешние стимулы; их длительность ограничена длительностью действия стимула и не более того. Ощущения — это автоматический ответ, автоматическая форма знания, которого сознание не может ни искать, ни избегать. Действиями организма, обладающего лишь способностью чувствовать, управляет телесный механизм удовольствия/боли, то есть автоматическое знание и автоматическая система ценностей. Ценностный стандарт, определяющий его действия, — его собственная жизнь. В пределах спектра возможных для него

действий организм действует автоматически для prolongation своей жизни; он не может совершать действия, ведущие к его уничтожению.

Более высокоразвитые организмы обладают более мощной формой сознания: у них имеется способность *сохранять* ощущения, то есть способность к *восприятию*. «Восприятие» — это группа ощущений, автоматически сохраненных и интегрированных мозгом живого организма, благодаря чему он может улавливать не отдельные стимулы, а *сущности*, вещи. Животное руководствуется не просто непосредственными ощущениями, а интегрированной картиной *воспринимаемой* им реальности. Оно может осознавать объекты окружающей его перцептивной среды и формировать автоматические перцептивные связи, но не может пойти дальше. Оно может освоить определенные виды деятельности: так, родители у высших животных учат свое потомство охотиться или прятаться. Но животное не выбирает знания и умения, которыми оно овладевает; поколение за поколением повторяют одно и то же. Также у него нет выбора ценностного стандарта, направляющего его деятельность: его органы чувств обеспечивают ему *автоматическую* систему ценностей, автоматическое знание, что хорошо, а что плохо для него, что полезно для его жизни, а что опасно. Животное не обладает возможностью расширять свои знания или отказываться от них. Попав в ситуацию, где его знания оказываются неприменимыми, оно погибает — как, например, животное, которое замирает на рельсах на пути мчащегося поезда. Но пока оно

живет, оно действует сообразно своим знаниям, используя автоматический механизм безопасности и не имея выбора: животное не может отказаться от использования собственного сознания, оно не может принять решение *не* воспринимать, не может игнорировать то, что воспринимает, не может действовать против собственной пользы, не может выбрать действия себе во вред и стать собственным убийцей.

У человека нет автоматической системы выживания. У него нет автоматического набора действий, автоматической системы ценностей. Его чувства не говорят ему, что для него хорошо или плохо, что полезно для его жизни, а что опасно, какие цели он должен преследовать и что позволит ему их достичь, от каких *ценностей* зависит его жизнь, какая деятельность ему необходима. Найти ответы на все эти вопросы должно его собственное сознание — но его сознание не функционирует *автоматически*. Человек, самый высший организм на земле, чье сознание обладает безграничной способностью получать знания, — это единственная живая сущность, которая появляется на свет, не имея никаких гарантий того, что *останется* сознательным. Исключительное отличие человека от всех прочих форм живого — в том, что *его* сознание *произвольно*.

Автоматические ценности, управляющие функционированием растительного организма, достаточны для обеспечения его выживания, но недостаточны для выживания животного; точно так же автоматические ценности, существующие у животного за счет

сенсорно-перцептивного механизма его сознания, достаточны для управления его жизнью, но недостаточны для человека. Деятельность и выживание человека требуют руководства *концептуальных* ценностей, порожденных *концептуальным* знанием. Но *концептуальное* знание нельзя обрести *автоматически*.

«Концепция», «идея» — это интеллектуальная интеграция двух или более образов восприятия, которые изолируются в процессе *абстрагирования* и объединяются с помощью характерного определения. Каждое слово человеческого языка, за исключением местоимений, обозначает *идею*, абстракцию, которая включает в себя неограниченное число конкретных объектов особого рода. Организуя свой перцептивный материал в идеи, а идеи — во все более и более общие идеи, человек способен улавливать и сохранять, определять и интегрировать в систему неограниченный объем знаний, которые простираются за пределы конкретного восприятия текущего момента. Органы чувств у человека работают автоматически; его мозг объединяет сенсорную информацию в образы автоматически; но процесс объединения образов в идеи — процесс абстрагирования и формирования концепций — происходит *не* автоматически.

Процесс формирования концепций состоит не только в усвоении нескольких простых абстракций, таких как «стул», «стол», «горячо», «холодно», и обучении речи. Он заключается в методе использования сознания, который лучше всего обозначить термином «концептуализация». Это не пассивное состояние сознания,

регистрирующего случайные впечатления. Это активно поддерживаемый процесс идентификации впечатлений в концептуальных терминах, интеграции всех событий и всех наблюдений в концептуальный контекст, выявления отношений, различий, подобий в перцептивной информации и абстрагирование ее в новые идеи, построения выводов, выведения обобщений, принятия решений, постановки новых вопросов и поиска новых ответов и постоянного расширения пределов знания. Способность, управляющая этим процессом, функционирующая посредством идей, это *разум*. Сам процесс — это *мышление*.

Разум — это способность идентифицировать и интегрировать материал, поставляемый органами чувств. Этой способностью человек должен пользоваться *по собственному выбору*. Мышление — это не автоматический процесс. В любой час своей жизни, по поводу любой проблемы человек свободен мыслить или отказаться от этого усилия. Мышление требует состояния полного, сосредоточенного внимания. Сфокусировать на чем-то сознание можно только произвольно. Человек может направить свое мышление на полное, активное, целенаправленно сфокусированное понимание реальности, а может расплыть его и существовать в полусознательном тумане, реагируя лишь на случайные сиюминутные стимулы, отдавшись на милость ненаправленного сенсорно-перцептивного механизма и любых непредсказуемых ассоциативных связей, которые могут возникнуть при его использовании.

Когда человек распыляет свое мышление, можно сказать, что он сознателен в недочеловеческом смысле этого слова, так как у него имеются ощущения и восприятие. Но в том смысле, который применим только к человеку, — если рассматривать сознание как полное понимание реальности и способность взаимодействовать с ней, направлять деятельность человека и обеспечивать его выживание, — ненаправленное, распыленное мышление *нельзя* считать сознательным.

В психологическом смысле выбор «думать или не думать» — это выбор «фокусировать или не фокусировать свое мышление». В экзистенциальном смысле выбор «фокусировать или не фокусировать мышление» — это выбор «быть или не быть сознательным». В метафизическом смысле, выбор «быть или не быть сознательным» — это выбор между жизнью и смертью.

Сознание — для тех живых организмов, которые им обладают, — это основное средство выживания. Для человека основным средством выживания является *разум*. Человек не может выжить, подобно животным, с помощью одной лишь способности к восприятию. Чувство голода сигнализирует ему о том, что ему необходима пища (если он научился определять это чувство как «голод»), но оно не скажет ему, как добыть пищу, как не скажет и о том, какая пища для него пригодна, а какая — ядовита. Без мышления человек не может обеспечить свои простейшие физиологические потребности. Чтобы узнать, как посадить и вырастить съедобные растения, или как изготовить оружие для охоты, ему

необходимо мыслить. Его восприятие может привести его в пещеру, если она имеется, но для постройки простейшего убежища ему необходимо мыслить. Никакие образы и никакие «инстинкты» не скажут ему, как развести огонь, как получить ткань для одежды, как выковырять инструменты, как сделать колесо, как построить самолет, как вырезать аппендикс, как изготовить лампочку, электронно-лучевую трубку, циклотрон или коробок спичек. Но его жизнь зависит от этих знаний, а дать ему их может только произвольный акт его сознания, процесс мышления.

Но ответственность человека простирается еще дальше: процесс мышления — не автоматичен, не «инстинктивен», не произволен — и не *безошибочен*. Человек должен запустить его, поддерживать и нести ответственность за его результаты. Он должен выяснить, как отличать правду от лжи и как исправлять свои собственные ошибки; как оценивать свои идеи, свои выводы, свои знания; он должен найти правила мышления, *законы логики*, чтобы управлять своей мыслью. Природа не дает ему никаких автоматических гарантий успеха его мыслительных усилий.

Человеку на земле не дано ничего, кроме возможностей и материала для их реализации. Его возможности — это великолепная машина, его сознание; но это машина без свечи зажигания; этой свечой, стартером и водителем для машины должна стать собственная воля человека; *он* должен понять, как пользоваться этим механизмом, и *он* должен поддерживать его постоянную работу.

Материал — это вся Вселенная, бесконечное поле для познания, которое может получить человек, и для радости жизни, которой он может достичь. Но всему, в чем он нуждается и чего он желает, он *сам* должен научиться, он *сам* должен это узнать и сделать — по собственному выбору, собственными стараниями и собственным рас­судком.

Существо, которому не дано автоматическое знание о том, что истинно, а что ложно, не может автоматически узнать что верно, а что ошибочно, что для него хорошо, а что плохо. Однако, чтобы жить, ему необходимы эти знания. Оно не может существовать вне законов реальности; человек — особый организм особой природы, которая требует для поддержания его жизни особых действий. Он не может обеспечить себе выживание ни произвольно избранными действиями, ни хаотическими движениями, ни слепыми порывами, ни по случайности или по прихоти. Что требуется для его выживания, определено его природой и не подвластно его выбору. Во власти человека только одно: решить, будет ли он пытаться узнать, что именно ему требуется, выберет ли он нужные цели и *ценности*, или нет. Он свободен сделать неверный выбор, но не свободен достичь при этом успеха. Он свободен бежать от реальности, распылить свое мышление и, слепо спотыкаясь, следовать любой дорогой, какой захочет, но он не сможет избежать бездны, которую он отказывается видеть. Для любого сознательного организма знание — это инструмент выживания; для живого сознания каждое *«есть»* подразумевает

«должно». Человек может по собственному выбору отказаться от сознания, но реальность не позволит ему избежать наказания за бессознательность — уничтожения. Человек — единственный биологический вид, который способен быть собственным убийцей, — и именно это он проделывал на протяжении большей части своей истории.

Так каковы же правильные цели для человека? Каких ценностей требует его выживание? На этот вопрос должна давать ответ *этика*. И вот *поэтому*, дамы и господа, человек нуждается в этической системе.

Теперь вы сами можете оценить значение учений, который убеждали вас в том, что *этика* — это сфера иррационального, что разум не может управлять человеческой жизнью, что человеческие цели и ценности должны определяться голосованием или прихотью, что *этика* не имеет отношения к реальности, к существованию, к практической деятельности и переживаниям человека, или что цели *этики* лежат по ту сторону могилы, что *этика* нужна не живым, а мертвым.

Этика — это *не* мистическая фантазия, не общественный договор и не необязательная, субъективная роскошь, которую можно поменять или совсем отбросить в случае опасности. *Этика* — это *объективное, метафизическое требование выживания человека*, не по милости сверхъестественных сил, ваших ближних или ваших собственных капризов, а по милости реальности и природы жизни.

Еще раз обращусь к речи Джона Голта: